
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94(476)

КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Д. П. БРИГАДИН¹⁾

¹⁾Государственный институт управления и социальных технологий БГУ,
ул. Обойная, 7, 220004, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются вопросы становления и эволюции крестьянского самоуправления во второй половине XIX – начале XX в. Анализируется влияние политики властей после подавления восстания 1863–1864 гг. на модернизацию белорусской деревни. Раскрываются формы крестьянского самоуправления, изучается роль волостных судов в поддержании правопорядка в крестьянской среде. Исследуется порядок формирования волостных судов, их компетенция, особенности судопроизводства. Отмечается, что в пореформенные десятилетия волостные суды представляли собой совмещение традиции (применение обычного права, сословный характер судопроизводства) и модерна (независимость судов от исполнительной власти, выборность судей, презумпция невиновности).

Ключевые слова: крестьянское самоуправление; волостное судопроизводство; правопорядок; общественная модернизация.

Образец цитирования:

Бригадин ДП. Крестьянское самоуправление и волостные суды во второй половине XIX – начале XX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;4:36–43.

For citation:

Brigadin DP. The peasant self-government and the volost courts in the second half of the XIX – early XX century. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;4:36–43. Russian.

Автор:

Денис Петрович Бригадин – кандидат исторических наук; декан факультета повышения квалификации и переподготовки.

Author:

Denis P. Brigadin, PhD (history); dean of the faculty of advanced studies and retraining.
denisbrigadin@gmail.com

СЯЛЯНСКАЕ САМАКІРАВАННЕ І ВАЛАСНЫЯ СУДЫ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

Д. П. БРЫГАДЗІН^{1*}

^{1*}Дзяржаўны інстытут кіравання і сацыяльных тэхналогій БДУ, вул. Шпалерная, 7, 220004, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца пытанні станаўлення і эвалюцыі сялянскага самакіравання ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Аналізуецца ўплыў палітыкі ўлад пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг. на мадэрнізацыю беларускай вёскі. Раскрываюцца формы сялянскага самакіравання, вывучаецца роля валасных судов у падтрымцы правапарадку ў сялянскім асяроддзі. Даследуецца парадак фарміравання валасных судов, іх кампетэнцыя, асаблівасці судаводства. Адзначаецца, што ў паслярэформенныя дзесяцігоддзі валасныя суды ўяўлялі сабой сімбіёз традыцыі (ужыванне звычайнага права, саслоўны характар судаводства) і мадэрну (незалежнасць судов ад выканаўчай улады, выбарнасць суддзяў, прэзумпцыя невінаватасці).

Ключавыя словы: сялянскае самакіраванне; валасное судаводства; правапарадак; грамадская мадэрнізацыя.

THE PEASANT SELF-GOVERNMENT AND THE VOLOST COURTS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

D. P. BRIGADIN^a

^aState Institute of Management and Social Technologies, Belarusian State University,
7 Špaliernaja Street, Minsk 220004, Belarus

The article deals with the formation and evolution of peasant self-government in the second half of the XIX – early XX century. The author analyzes the influence of the state policy after the suppression of the uprising of 1863–1864 on the modernization of the Belarusian rural society. The article reveals the forms of peasant self-government, studies the role of volost courts in maintaining law and order in a peasant environment. The author examines the procedure for the formation of volost courts, their competence, and the specifics of judicial proceedings. It is noted that in the post-reform decades the volost courts represented a symbiosis of tradition – the application of customary law, the class nature of the judiciary, and modernity – the independence of courts from executive power, the election of judges, the presumption of innocence.

Key words: peasant self-government; volost litigation; law and order; social modernization.

Введение

Реформы второй половины XIX в. внесли изменения в традиционный уклад жизни крестьянства, усилили социальную фрагментарность общества. Формирование новых общественных отношений происходило в условиях сохраняющего устойчивости традиционного аграрного общества. Экономические и социокультурные изменения, реализация многих провозглашенных свобод находились в зависимости от центральной и местной адми-

нистрации и помещиков, которые сохраняли влияние на селе и после отмены крепостного права. Существовавшая прямая зависимость сельского общества от действий властных структур создавала определенную турбулентность социума. Правовая регуляция отношений была вторичным фактором сельской жизни, первичным было мнение сельского общества, которое выступало главным регулятором отношений.

Основная часть

После отмены крепостного права обеспечение правопорядка в белорусской деревне во многом зависело от крестьянского самоуправления. В соответствии с «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» создавалась двухуровневая система крестьянского самоуправления [1]. На первом уровне находилось сельское общество (громада), которое состояло из крестьян, проживающих на землях одного помещика. Как правило, это были жители одного селения либо нескольких близлежащих небольших деревень, ху-

торов, застенков, имеющих общие хозяйственные дела. Несмотря на различия в формах землепользования (в Виленской, Гродненской и Минской губерниях преобладало подворное землевладение, а в Витебской и Могилёвской – общинное), сельское общество представляло собой базовый институт общественного управления, осуществляемого сельским сходом и избранным им сельским старостой. Сельский сход был уполномочен проводить выборы сельских должностных лиц, определять состав выборных на волостной сход, выносить при-

говоры об удалении из общества нарушителей правопорядка и принимать новых членов, разрешать семейные разделы имущества, определять размер сборов на мирские расходы, распределять и контролировать подати, земские и мирские денежные сборы и натуральные повинности.

Решения на сходе принимались большинством голосов и были правомочны в том случае, когда не менее половины крестьян участвовало в голосовании при обязательном присутствии сельского старосты. Двумя третями голосов решались пределы мирских земель, замена общинного землепользования подворным, удаление из сельского общества ведущих порочный образ жизни крестьян. Приговоры схода утверждались мировым посредником.

Сельский сход избирал сельского старосту, который исполнял приговоры схода, волостного правления и мирового учреждения. Он осуществлял контроль за исправным состоянием дорог и мостов, за исполнением податей, порядком в деревне. Как отмечалось в законе, староста обязан был «принимать меры для охранения благочиния, порядка и безопасности лиц и имущества от преступных действий, а равно предупреждать, чтобы не было потрав хлеба, побоя травы, лесных пожаров и порубок в лесах» (ст. 60 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г.» (далее – Положение 1861 г.) [1]). В обязанности старосты входило проведение в случае совершения преступления предварительного дознания в присутствии понятых, задержание виновных до прибытия полиции или судебного следователя.

Вторым уровнем местного самоуправления являлось волостное управление, которое состояло из волостного схода, волостного правления, волостного старшины и волостного крестьянского суда. Должностные лица и органы волостного самоуправления избирались на волостном сходе представителей сельских обществ (один представитель от 10 крестьянских дворов). Примечательно, что для Виленской, Гродненской, Минской губерний, а также для 4 уездов Витебской губернии было сделано исключение. На волостной сход батракам и бобылям разрешалось направлять по одному выборному от 20 взрослых работников (ст. 72 Положения 1861 г. [1]).

Волостной сход проводил выборы членов волостного правления, должностных лиц и судей волостного суда, определял назначение и размеры мировых сборов и повинностей. Решения схода принимались большинством голосов. Волостное правление состояло из старшины, его помощников и всех сельских старост на территории волости. Особая роль в обеспечении правопорядка отводилась старшине, который был обязан «охранять благочиние в общественных местах и безопасность лиц и имущества от преступных действий, а также

принимать первоначальные меры для восстановления тишины, порядка и безопасности, вплоть до распоряжения земской полиции» (ст. 83 Положения 1861 г. [1]). Он контролировал паспортный режим, информировал полицию о самовольно отлучившихся из волости, о преступлениях и беспорядках. При необходимости волостной старшина должен был пресекать преступления и задерживать виновных. Он обладал правом подвергать людей, виновных в совершении маловажных проступков, взысканию в размерах, определенных законом для сельского старосты.

В сословном самоуправлении была задействована значительная часть крестьянского населения. Например, в 1881 г. Минская губерния, состоявшая из 9 уездов, разделялась на 209 волостей и 1734 сельских общества, сформированных на базе 5535 населенных мест [2, с. 5]. Местное самоуправление было важным фактором обеспечения правопорядка и разрешения конфликтных ситуаций в деревне. Однако оно само нередко становилось источником правонарушений недобросовестных должностных лиц. Как писал А. Е. Богданович, «выдача паспортов отходникам составляла немаловажную доходную статью для волостного писаря и старшины, от которых это зависело» [3, с. 218].

Восстание 1863–1864 гг. внесло изменения в характер деятельности волостных учреждений. В условиях военного положения им вменялось в обязанности контролировать поведение сельчан, информировать уездное начальство о подозрительных лицах и проявлении оппозиционности властям.

Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев инициировал формирование в подведомственном ему крае жандармских команд численностью около 30 человек в каждом уезде в дополнение к расположенным в губерниях армейским подразделениям и казачьим формированиям. Жандармские команды были переданы в распоряжение местной уездной администрации. В июне 1863 г. было начато создание сельской вооруженной стражи, численность которой в некоторых уездах доходила до 2 тыс. человек. Помещики были обложены особым контрибуционным сбором на содержание стражи. За время нахождения на службе каждый стражник получал продовольствие и жалованье в размере 10 копеек в сутки [4, с. 431].

В это же время М. Н. Муравьев поручил губернским властям провести досрочные выборы в учреждения крестьянского самоуправления. Эта кампания проводилась под контролем уездных военных начальников. Однако избрание на должности благонадежных лиц православного вероисповедания оказалось трудновыполнимой задачей. В Гродненской губернии, например, было переизбрано 686 человек, в том числе 129 католиков, а новых должностных лиц было избрано 1228 человек, из которых 364 человека являлись католиками [5, с. 79].

В целях усиления контроля за деятельностью органов местного самоуправления и уменьшения затрат на их содержание власти на постоянной основе вели политику укрупнения волостей. Так, из 921 волости, сформированной в 35 уездах белорусских губерний в 1864 г., к 1891 г. осталось 683 волости [6, с. 114].

Необходимо отметить, что крестьяне вынуждены были направлять на содержание сельских и волостных учреждений самоуправления значительные суммы. В 1881 г., например, крестьяне Могилёвской губернии оплатили мирской сбор в размере 377 994 руб., что составило 13,2 % от суммы всех платежей. А в 1889 г. общая сумма волостных и сельских расходов составила 622 505 руб. Из этой суммы 236 207 руб. (37,9 %) шло на нужды сельских учреждений и 386 298 руб. (62,1 %) – на нужды волостных учреждений [7, с. 32].

Анализ финансовых затрат свидетельствует о том, что деньги распределялись по различным видам расходов. Так, на содержание сельских должностных лиц в Могилёвской губернии в 1889 г. направлялось 27,9 % средств местных бюджетов, на школьное дело – 14,7 %, почтовые и канцелярские расходы – 12,6 %, содержание общественных зданий – 9 %, финансирование церкви – 8,7 %, содержание дорожной и подводной повинностей – 6,6 %, содержание полиции – 5,7 %, финансирование больниц – 1 % [7, с. 32].

Прямые финансовые затраты на обеспечение правопорядка на селе не превышали 10 % средств местных бюджетов. Эти деньги шли на выплаты сотским и десятским полицейской службы, содержание помещений для полицейских урядников, оплату смотрителям сельских хлебозапасных магазинов, а также лесным и полевым сторожам. В 1870 г. в белорусских губерниях выполнением полицейских функций было занято 2,7 тыс. сотников и 14,5 тыс. десятников. К концу 1880-х гг. численность увеличилась до 4,5 тыс. сотских и 31,8 тыс. десятских [6, с. 119].

В пореформенные годы крестьянское самоуправление претерпевало серьезные изменения. Являясь органом сословного самоуправления, волостное правление постепенно превращалось в административную структуру, обслуживающую не только крестьян, но и представителей иных сословий, проживающих на территории волости. Оно выполняло те функции государственного бюрократического аппарата, которые ранее осуществляли помещики. Прежде всего это проведение до 1870-х гг. рекрутских наборов, обеспечение выплаты казенных податей и выполнение других повинностей.

Земская реформа, начало которой было положено 1 января 1864 г. утверждением «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», проводилась с 1860-х гг. до первой половины 1870-х гг.

в губерниях европейской России. Исключением стали западные губернии. Власть не допускала проявления гражданской инициативы, возникновения элементов выборности в белорусских губерниях. Даже после 40-летней кампании ограничения польского влияния в Беларуси министр финансов С. Ю. Витте в конце XIX в. утверждал, что в земских учреждениях собственники земли польского происхождения могут составлять большинство [8, с. 178–179].

Только 2 апреля 1903 г. было утверждено Положение об управлении земским хозяйством в губерниях Виленской, Витебской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилёвской и Подольской, которое на первом этапе вводилось только в Витебской, Минской и Могилёвской губерниях. Учреждая земства в трех белорусских губерниях, центральная власть в очередной раз выразила недоверие землевладельцам этих губерний. Вместо выборных земских учреждений вводились назначаемые губернские и уездные комитеты по делам земского хозяйства. Деятельность земских учреждений жестко контролировалась губернаторами и Министерством внутренних дел Российской империи. Только 14 марта 1911 г. были сняты ограничения, связанные с выборностью земств. Положение о земских учреждениях в редакции 1890 г. было распространено на Витебскую, Минскую и Могилёвскую губернии. Что касается Гродненской и Виленской губерний, то земская реформа в них не была реализована даже в самом ограниченном виде.

В поддержании должного правопорядка в деревне важную роль играли институты судебной власти и прежде всего их первичный уровень – волостной суд, который являлся выборным судебным органом для рассмотрения незначительных уголовных и гражданских дел. Свою работу волостной суд строил на основе Сельского судебного устава 1839 г. и Устава о благоустройстве в казенных селениях 1857 г. Положениями последнего, в частности, определялись базовые принципы судебного процесса: презумпция невиновности, доказательность вины, зависимость тяжести наказания от степени вины, а также иные правила судопроизводства [9, с. 78–80].

В Положении 1861 г. была определена структура и принципы функционирования волостного крестьянского суда. Так, судьи волостного суда численностью от 4 до 12 человек ежегодно избирались волостным сходом из числа законопослушных крестьян-домохозяев старше 25 лет. Сход, если считал нужным, назначал вознаграждение судьям. Заседания проходили, как правило, раз в две недели (ст. 93 Положения 1861 г. [1]).

Волостной суд являлся внутрисословным органом. В его компетенцию входили имущественные споры между крестьянами с суммой иска до

100 руб. Кроме того, он выносил решения по незначительным уголовным преступлениям, совершенным крестьянами против представителей этого же сословия. Волостной суд мог приговорить виновных к общественным работам на срок до 6 дней, денежному штрафу до 3 руб., аресту до 7 дней, а лиц, к которым были применимы телесные наказания, – к 20 ударам розгами (ст. 95–102 Положения 1861 г. [1]).

Элементом, характеризующим определенную независимость местной судебной власти от власти исполнительной, являлось положение о том, что волостной старшина и староста не должны вмешиваться в производство волостного суда и не должны присутствовать при обсуждении дел (ст. 104 Положения 1861 г. [1]).

Принципиальной особенностью волостного судопроизводства было применение при рассмотрении споров не статутного, а обычного права, т. е. местных обычаев, правил, принятых в крестьянском быту. Такая мера была вынужденной ввиду сложности включения крестьян в гражданское правовое общество. Правосознание сельских жителей находилось в зачаточном состоянии, многие преступления и проступки не считались таковыми в крестьянском сообществе. Например, домашнее насилие считалось внутрисемейным делом, а работа в дни религиозных праздников вызывала общественное осуждение. Драка и нанесение оскорблений традиционны не считались в крестьянской среде подсудными деяниями.

В пореформенные годы отношение крестьян к защите своих прав стало меняться. Статистические картины волостного судопроизводства в разных губерниях отличаются ввиду отсутствия единых стандартов материального и процессуального права, однако можно сделать вывод о том, что в начале XX в. резко увеличилась численность проступков, рассмотренных волостными судами. Например, в Витебской губернии в 1887 г. волостные суды рассмотрели 7331 дело уголовного характера [10, с. 77], в 1897 г. – 9188 дел [11, с. 85], а к 1903 г. количество разбирательств возросло до 23 242 [12, с. 54]. Волостные суды Виленской губернии в 1885 г. рассмотрели 4477 дел по проступкам [13, с. 28], в 1897 г. – 4789 дел [14, с. 94–95], а в 1907 г. – 18 455 [15, с. 94].

В большинстве случаев поводами для судебного разбирательства служили личные обиды: драки, оскорбления. Например, в 1905 г. волостными судами Гродненской губернии было разрешено 27 402 дела, из которых 14 686 касались личных обид, а также 3774 дела о кражах и обманах, 989 дел о нарушении строительного устава, 976 дел о посягательствах на порядок управления, 289 дел о брако-

ньерстве, 126 дел о нарушении паспортного устава, 39 дел о нарушении порядка во время богослужения и 6523 дела, не подпадающего ни под одну из вышеупомянутых категорий¹.

Рост числа дел в волостном судопроизводстве объясняется введением в белорусских губерниях в начале XX в. Положения о земских участковых начальниках и установлением административного контроля за волостными судами. Однако не в последнюю очередь, как нам представляется, подобные перемены предопределялись ростом чувства собственного достоинства сельских жителей. Сам факт участия в судебном заседании повышал самооценку крестьянина. Как справедливо отмечает А. А. Загорнов, крестьяне в пореформенный период стали равнодушны ко всему, что носило печать законности [16, с. 48].

Судебные процедуры производились в устной форме, так как подавляющее большинство крестьян были неграмотны. В большинстве мелких споров судья выступал в роли медиатора, стремящегося к примирению сторон. Многие споры частного характера заканчивались мировым соглашением, либо разбирательство прекращалось ввиду неявки стороны обвинения. В 1897 г. в Гродненской губернии из 34 273 гражданских дел 43,3 % были прекращены [5, с. 101].

Процент мировых соглашений по уголовным делам в волостном судопроизводстве во многом определялся местными обычаями и подходами к судебному процессу. Например, в Витебской губернии в период с 1895 г. по 1901 г. 9,8 % уголовных дел, рассмотренных в волостных судах, закончились мировым соглашением [11, с. 85; 17, с. 100; 18, с. 114; 19, с. 91; 20, с. 47; 21, с. 80; 22, с. 74]. В Виленской губернии в период с 1899 по 1903 г. этот показатель составил 24,3 % [23, с. 96; 24, с. 98; 25, с. 91; 26, с. 89; 27, с. 91].

Как подчеркивал правовед А. Ф. Брандт, волостные суды не видели разницы между уголовными и гражданскими делами: «Частные сделки между преступником и потерпевшим с целью оставления дела без судебного разбора встречаются не только при обидах, но и при нанесении сильных побоев, при искалечении и при изнасиловании. <...> Если выкуп, вопреки уговору, не будет уплачен, то дело доходит до судебного разбирательства» [28, с. 115].

Губернская статистика позволяет зафиксировать определенные изменения в назначаемых судом наказаниях за проступки. В Могилевской губернии за 1888 г. из 10 133 осужденных к штрафу были приговорены 5014 человек (49,5 %), к аресту до 7 дней – 2087 (20,6 %), телесному наказанию – 1845 (18,2 %), общественным работам – 831 (8,2 %), выговор получили 356 (3,5 %) крестьян

¹Нац. ист. арх. Беларуси в Гродно. Ф. 18. Оп. 1. Д. 80. Л. 16–17.

[5, с. 100]. Однако в XX в. наиболее распространенным наказанием, назначаемым волостным судом, стал арест. В 1900 г. суды Могилёвской губернии к аресту приговорили 40 % осужденных [29, с. 58], а в 1904 г. – уже 67 % [30, с. 59–60]. В начале XX в. вместе с увеличением количества обращений крестьян в волостные суды наблюдался и рост доли оправдательных приговоров. Если в 1883 г. в Могилёвской губернии 2451 оправданный подсудимый приходился на 7749 осужденных (24 % от общего числа подсудимых) [29, с. 31–32], а в 1889 г. – 3513 оправданных на 10 975 осужденных (24,2 %) [7, с. 19], то в 1904 г. было вынесено 23 186 оправдательных приговоров на 17 243 обвинительных (57,3 %) [30, с. 59–60]. Данная динамика сохранялась и в последующие годы.

Приговоры волостных судов протоколировались волостным писарем и являлись окончательными. Они приводились в исполнение сельскими старостами или помощниками волостного старшины, если волость состояла из одного сельского общества (ст. 109–110 Положения 1861 г. [1]).

Введение в 1901 г. в Витебской, Минской и Могилёвской губерниях, а в 1903 г. в Виленской и Гродненской губерниях института земских начальников [31; 32] изменило порядок формирования волостных правлений и судов. Земские начальники получили право включать в состав волостных судов 4 из 12 судей, назначать председателя суда. Ими контролировалась правильность принятия решений.

Очевидно, что такие принципы судебной реформы 1864 г., как бессословность, применение закона в качестве источника права входили в противоречие с деятельностью волостных судов. Тем не менее власть не решилась на упразднение волостных судов, так как это означало бы, что значительная часть населения оставалась вне правового поля. Крестьяне осознавали себя в первую очередь участниками общинных правоотношений, а не полноправными субъектами гражданского и уголовного права. Волостная юстиция продолжала функционировать в качестве необходимой временной меры.

В отчете исполняющего обязанности витебского губернатора В. В. Левашова за 1895 г. отмечалось, что «введение судебно-мирового института без согласования с общим строем административного управления, рядом с волостным судом, свободным

от проверки его решений по существу и при самом поверхностном надзоре со стороны уездных присутствий, ввело в народную жизнь новое воззрение, будто без постановления суда никакая власть не может иметь применения. <...> В народе развелось сутяжничество» [33, с. 809]. На наш взгляд, термин «сутяжничество» в данном контексте неприменим. Стремление крестьян к применению законных средств защиты прав являлось, скорее, позитивной тенденцией, свидетельствующей о формирующемся правосознании населения.

Отмена крепостного права не могла в одночасье изменить криминальную обстановку в крестьянской среде. На смену Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое закрепляло за помещичьим судом такие виды наказаний, как розги (до 40 ударов), палки (до 15 ударов), заключение в сельскую тюрьму (до 2 месяцев), заключение в смиренный дом (до 3 месяцев), направление в арестантские роты (до 6 месяцев), сдача в рекруты, высылка в отдаленные районы, пришла новая правовая практика. Крестьяне получили личные свободы: возможность самостоятельно вести хозяйство, заниматься торговлей, заключать юридические соглашения, вести судебные дела, защищать свои права всеми дозволенными законом способами. В законе подчеркивалось, что «крестьяне не могут быть подвергаемы никакому наказанию иначе, как по судебному приговору или по законному распоряжению поставленных над ними правительственных и общественных властей» (ст. 25 Положения [1]).

Однако на практике произвол помещика был заменен произволом сельской администрации, общества, хозяина двора. Административная опека с правом подвергать крестьянина наказанию по усмотрению сельской администрации без всякого следствия сдерживала формирование правового общества. В «Трудах местных комитетов Минской губернии» отмечалось: «Это “обычное право”, а также отсутствие прав личности человека породили взяточничество как со стороны волостных писарей, судей, старшин, так и других должностных лиц, недоверие ко всякому начальству, сутяжнический дух, подпольную адвокатуру, подбивающую мужика на совершенно невозможные и бессмысленные процессы» [33, с. 684–685].

Заключение

Таким образом, в процессе экономической, социальной и культурной модернизации традиционного белорусского общества изменилась роль местного крестьянского самоуправления в обеспечении правопорядка на селе. В этот период сельское и волостное самоуправление, местная судебная власть

столкнулись с новыми вызовами: ростом имущественных преступлений и преступлений против личности [34]. Вместе с тем сельское общество все больше включалось в сферу новых правоприменительных практик, формирующих правосознание сельских жителей.

Библиографический список:

1. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, 19 февраля 1861 г. В: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Том 36. Отделение 1.* Санкт-Петербург: Типография второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1863. с. 141–169.
2. *Обзор Минской губернии за 1881 г.* Минск: Губернская типография; 1882.
3. Богданович АЕ. *Я всю жизнь стремился к свету. Книга 1.* Минск: Літаратура і мастацтва; 2012.
4. Муравьев МН. Об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа в 1863–1865 гг. *Русская старина.* 1882;36(11):387–432.
5. Токць СМ. *Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст.* [аўтарэферат]. Мінск: [б. в.]; 2016.
6. Каваленя АА, рэдактар. *Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пач. XXI ст. Книга 1.* Мінск: Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі; 2011.
7. *Отчет о состоянии Могилёвской губернии за 1889 г.* Могилёв: [б. и.]; 1890.
8. Витте СЮ. *Самодержавие и земство. Записка Б. Министра финансов стас-секретаря С. Ю. Витте.* Санкт-Петербург: Типография В. Безобразовик; 1908.
9. Устав о благоустройстве в казенных селениях. В: *Свод законов Российской империи. Том 12. Часть 2.* Санкт-Петербург: Типография второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1857. с. 1–110.
10. *Обзор Витебской губернии за 1887 г.* Витебск: [б. и.]; 1888.
11. *Обзор Витебской губернии за 1897 г.* Витебск: [б. и.]; 1898.
12. *Обзор Витебской губернии за 1903 г.* Витебск: [б. и.]; 1904.
13. *Обзор Виленской губернии за 1885 г.* Вильна: Губернская типография; 1886.
14. *Обзор Виленской губернии за 1897 г.* Вильна: Губернская типография; 1898.
15. *Обзор Виленской губернии за 1907 г.* Вильна: Губернская типография; 1908.
16. Загорнов АА. Отмена крепостного права и трансформация правового сознания крестьян Беларуси. В: Коршук УК, рэдактар. *Працы гістарычнага факультэта БДУ.* Мінск: БДУ; 2014. с. 39–50.
17. *Обзор Витебской губернии за 1895 г.* Витебск: [б. и.]; 1896.
18. *Обзор Витебской губернии за 1896 г.* Витебск: [б. и.]; 1897.
19. *Обзор Витебской губернии за 1898 г.* Витебск: [б. и.]; 1899.
20. *Обзор Витебской губернии за 1899 г.* Витебск: [б. и.]; 1900.
21. *Обзор Витебской губернии за 1900 г.* Витебск: [б. и.]; 1901.
22. *Обзор Витебской губернии за 1901 г.* Витебск: [б. и.]; 1902.
23. *Обзор Виленской губернии за 1899 г.* Вильна: Губернская типография; 1900.
24. *Обзор Виленской губернии за 1900 г.* Вильна: Губернская типография; 1901.
25. *Обзор Виленской губернии за 1901 г.* Вильна: Губернская типография; 1902.
26. *Обзор Виленской губернии за 1902 г.* Вильна: Губернская типография; 1903.
27. *Обзор Виленской губернии за 1903 г.* Вильна: Губернская типография; 1904.
28. *Сборник сведений по России за 1884–1885 гг.* Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел; 1887.
29. *Обзор Могилёвской губернии за 1900 г.* Могилёв: Могилёвский губернский статистический комитет; 1901.
30. *Обзор Могилёвской губернии за 1904 г.* Могилёв: Могилёвский губернский статистический комитет; 1905.
31. О распространении законоположений 12 июля 1889 г. о преобразовании крестьянских и судебных учреждений на губернии Витебскую, Минскую и Могилёвскую, 12 июня 1900 г. В: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Том 20. Отделение 1.* Санкт-Петербург: Типография второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1902. с. 762–764.
32. О распространении законоположений 12 июля 1889 г. о преобразовании крестьянских и судебных учреждений на губернии Виленскую, Гродненскую и Ковенскую и об ассигновании необходимых на сие кредитов, 8 июня 1903 г. В: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Том 23. Отделение 1.* Санкт-Петербург: Типография второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1905. с. 687–689.
33. *Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Том 2.* Мінск: Выдавецтва АК БССР; 1940.
34. Бригадин ДП. Динамика и структура преступности в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. В: Коршук УК, рэдактар. *Працы гістарычнага факультэта БДУ.* Мінск: БДУ; 2016. с. 16–26.

References

1. [Regulations Concerning Peasants Leaving Serf Dependence, 1861 February 19]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sbornik 2. Tom 36. Otdelenie 1.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Volume 36. Branch 1]. Saint Petersburg: Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1863. p. 141–169. Russian.
2. *Obzor Minskoi gubernii za 1881 g.* [Overview of the Minsk province for 1881]. Minsk: Gubernskaya tipografiya; 1882. Russian.
3. Bogdanovich AE. *Ya vsyu zhizn' stremilsya k svetu. Kniga 1* [All my life I have been longing for the light. Book 1]. Minsk: Litaratura i Mastactva; 2012. Russian.
4. Muravyov MN. [On the management of the North-West Territory and the suppression of the insurrection in it in 1863–1865]. *Russkaya starina* [Russian antiquity]. 1882;36(11):387–432. Russian.
5. Tokts' SM. *Sacyjal'nyja i kul'urnyja pracjesy w belaruskaj vjoscy w drugoj palove XIX – pachatku XX st.* [Social and cultural processes in the Belarusian village during the second half of XIX – early XX century] [autoreferat]. Minsk: [publisher unknown]; 2016. Belarusian.
6. Kavaliienya AA, editor. *Gistoryja belaruskaj dzjarzhawnasci w kancy XVIII – pach. XXI st. Kniga 1* [The history of the Belarusian statehood in the late XVIII – early XXI century. Book 1]. Minsk: Institute of history of the National academy of sciences of Belarus; 2011. Belarusian.

7. *Otchet o sostoyanii Mogilevskoi gubernii za 1889 g.* [Report on the state of the Mogilev province for 1889]. Mogilev: [publisher unknown]; 1890. Russian.
8. Witte SYu. *Samoderzhavie i zemstvo. Zapiska B. Ministra finansov stas-sekretarya S. Yu. Vitte* [Autocracy and Zemstvo. Note of Syu. Witte]. Saint Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazovik; 1908. Russian.
9. [The Charter of Improvement in State Settlements]. In: *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Tom 12. Chast' 2* [Code of Laws of the Russian Empire. Volume 12. Part 2]. Saint Petersburg: Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1857. p. 1–110. Russian.
10. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1887 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1887]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1888. Russian.
11. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1897 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1897]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1898. Russian.
12. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1903 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1903]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1904. Russian.
13. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1885 g.* [Overview of the Vilna province for 1885]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1886. Russian.
14. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1897 g.* [Overview of Vilna province for 1897]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1898. Russian.
15. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1907 g.* [Overview of the Vilnius province for 1907]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1908. Russian.
16. Zagornov AA. [The abolition of serfdom and the transformation of the legal consciousness of the peasants of Belarus]. In: Korshuk UK, editor. *Pracy gistorychnaga fakul'tjeta BDU* [Works of the history faculty of the Belarusian State University]. Minsk: Belarusian State University; 2014. p. 39–50. Russian.
17. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1895 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1895]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1896. Russian.
18. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1896 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1896]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1897. Russian.
19. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1898 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1898]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1899. Russian.
20. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1899 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1899]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1900. Russian.
21. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1900 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1900]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1901. Russian.
22. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1901 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1901]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1902. Russian.
23. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1899 g.* [Overview of the Vilna province for 1899]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1900. Russian.
24. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1900 g.* [Overview of the Vilna province for 1900]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1901. Russian.
25. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1901 g.* [Overview of the Vilna province for 1901]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1902. Russian.
26. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1902 g.* [Overview of the Vilna province for 1902]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1903. Russian.
27. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1903 g.* [Overview of the Vilna province for 1903]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1904. Russian.
28. *Sbornik svedenii po Rossii za 1884–1885 gg.* [Collection of information on Russia for 1884–1885]. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del; 1887. French.
29. *Obzor Mogilevskoi gubernii za 1900 g.* [Overview of the Mogilev province for 1900]. Mogilev: Mogilevskii gubernskii statisticheskii komitet; 1901. Russian.
30. *Obzor Mogilevskoi gubernii za 1904 g.* [Overview of the Mogilev province for 1904]. Mogilev: Mogilevskii gubernskii statisticheskii komitet; 1905. Russian.
31. [Regulations on the extension of the legal provisions of 12 July 1889 on the transformation of peasant and judicial institutions in the provinces of Vitebsk, Minsk and Mogilev, June 12, 1900]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3. Tom 20. Otdelenie 1* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Volume 20. Branch 1]. Saint Petersburg: Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1902. p. 762–764. Russian.
32. [Regulations on the extension of the legal provisions of 12 July 1889 on the transformation of peasant and judicial institutions in the provinces of Vilna, Grodno and Kovno and the allocation of necessary credits, June 8, 1903]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3. Tom 23. Otdelenie 1* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection. 3. Volume 23. Branch 1]. Saint Petersburg: Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1905. p. 687–689. Russian.
33. *Dokumenty i materyjaly pa gistoryi Belarusi. Tom 2* [Documents and materials on the history of Belarus. Volume 2]. Minsk: Vydavectva AK BSSSR; 1940. Belarusian.
34. Brigadin DP. [Dynamics and structure of criminality in Belarus in the second half of the XIX – early XX centuries]. In: Korshuk UK, editor. *Pracy gistorychnaga fakul'tjeta BDU* [Works of the history faculty of the Belarusian State University]. Minsk: Belarusian State University; 2016. p. 16–26. Russian.